

И. А. БИЛОМУ

Когда вы попали в беду — в белградскую тюрьму, я, подавив свою личную неприязнь к вам, по мотивам принципиального характера, чуть ли не в единственном числе из всех казаков, печатно выступил в вашу защиту. Когда одни ваши единомышленники тихо спрятались, а другие радовались печатно, я руководился правилом — лежащего не бьют — и, признаюсь, допускал, что несчастье, быть может, хоть чуточку исправит вас.

Но вы остались верным себе: гадким лжецом и жалким трусом, который при первом окрике паршивого полицейского выбалтывает все свои секреты, подписывает, не читая, все, что предлагают, лишь бы спасти свое драгоценное тело от лишнего полицейского шлепка. Поэтому в первом же номере своего журнала, выпущенном после тюрьмы, вы продолжаете клеветать на меня, утверждая, что я «продал Терское Войско». Предельная глупость этого утверждения ясна каждому. Вы сами отлично знаете, что лжете. Но стремясь любым способом набросить

ть на мое имя, полагая, что выдуманная вами получка мною от кого то денег на свою публичную политическую работу может меня дискредитировать в глазах некоторых казаков, упорно продолжаете свою гнусную клевету по моему адресу.

Вы забыли поговорку: «в доме повешенного о веревке не говорят».

Я совершенно не намерен, ни теперь, ни в будущем, вступать с Вами в полемику, тем более реагировать на благоглупости ваших подручных.

Вы, как всегда, лжете. А вот я имею полную возможность доказать, сь документами в руках — от кого, через кого и сколько вы получали и получаете. Эти документы есть только у меня одного, их нет и у вас, вы знаете, о каких документах идет речь.

Если я до сих пор их не опубликовал, то совсем не из уважения к вам, а по соображениям высшего порядка.

Предлагаю вам перед Комиссией из авторитетных и нейтральных лиц доказать свое утверждение, а я докажу — от кого и сколько вы получали и получаете.

Шамба Балинов.

ДМ. ВИШНЯКОВ. (Чехословакия).

Из дневника одинокой

.....Сегодня целый день проклиная себя. Наконец, улыбнулась было мне судьба и послала подходящего человека, но проклятое врожденное женское легкомыслие, во мне, видимо, разбитое несколько больше, чем надо, опять опрокинуло все и убило зародившуюся было надежду....

Не скрою ни от кого, что я уже несколько лет безуспешно ищу себе мужа. И ничего смешного в этом вовсе нет: уже 3 года, как мне «39» лет... Все язык не повернется произнести роковое слово «40». Я — одинока, как перст, на чужбине, кормлюсь отвратительным трудом болярничной сиделки — чужие раны, гнои, болезни, грязь, грошевая плата, — и как мне не искать выхода из этого положения и как не ужасаться будущего, надвигающейся старости?.. А выход — один: выйти замуж за подходящего (пожилого и обеспеченного) человека. Ох, не легкое это дело!.. Куда исчезла та вереница, целый хвост прекрасных мужчин, которые, бывало, плелись за мною?.. Они ушли с моею молодостью, с богатством и светским положением.

Я и теперь не дурна собою. Некоторая полнота, при моем вышесреднем росте, не портит,

а, наоборот, приближает ко вкусу громадного большинства здешних мужчин, охотников до «тлустых и геских». И на меня, выражаясь их языком, еще «берут». Но беда в том, что я не умею и не могу вести до конца твердую линию.

А потом, — о нас, русских женщинах, установился у местных мужчин такой взгляд, что мы хороши в обществе, но никуда в доме, к нам легко пристают, но без серьезного намерения. А наши, свои эмигранты?.. Ох, что о них и говорить! То голодранец, которого нужно самого кормить, а как устроенный, то из кожи лезет, чтобы жениться на местной и получить приданое, связаться родством, найти протекцию, и воротят носы от своих.... А сколько наших прекрасных и интеллигентных барышень сидят в старых девицах и принуждены идти Бог знает куда?!.. Свои ищут чужих, а чужие берут своих. На нашу долю остаются только гуляки и ловцы. А русская женщина виновата!..

Но в этом случае я виновата сама кругом.

На новогоднем русском балу на меня обратил внимание один солидный, моих лет капитан, холостяк, руссофил. Я сразу угадала в нем серь-